

Крыленко Николай Васильевич

**Суд и право в СССР. Теоретический и
практический комментарий к основам
судоустройства, судопроизводства и
материального уголовного права СССР**

Часть 3

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР: Часть 3 / Крыленко Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 181 с.

ISBN 978-5-519-91333-1

ISBN 978-5-519-91333-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОСНОВ.

Материальное уголовное право представляет собою самую главную и самую существенную часть нашего законодательного творчества в области уголовной политики. В этом отношении оно, безусловно, имеет гораздо большее показательное значение и принципиальное содержание, чем основные нормы, которыми руководствуется пролетарское государство в области судостроительства и уголовного процесса.

Оно является наиболее главной и наиболее существенной частью прежде всего потому, что в этой части более, чем в какой бы то ни было другой, сказывается и должно было сказаться то, что отличает советскую юстицию от юстиции буржуазных государств. Правда, не менее коренные отличия характеризуют ее и в области судостроительства, но судостроительство представляет собой все же ту часть законодательного творчества правящего класса, которое, хотя и отражает в достаточной степени вышукло классовое существо суда, как аппарата, действующего по указанию и в целях защиты интересов данного класса, но тем не менее далеко не в той степени непосредственно нормирует общественный быт и строй, как материальное уголовное право. К интересам широчайших слоев населения оно во всяком случае не имеет такого непосредственного отношения, как нормы материального права. Именно эти нормы определяют, что можно и чего нельзя, что разрешается правящим классом и что запрещается им, чего не может делать, и наоборот что является обязательным к исполнению для каждого гражданина данного государства и общества.

Классовое содержание уголовной политики в этих нормах должно поэтому сказаться прежде всего и сильнее, чем в каких-нибудь других. С их помощью правящий класс воспитывает или, по крайней мере, стремится воспитать общественное сознание «подданных», укрепляет самым непосредственным путем свое господство, борется со своими классовыми антагонистами и врагами.

Внимательный анализ норм материального уголовного права является поэтому лучшим средством для понимания классового существа и данного государства, и его политики, по сравнению с какой бы то ни было иной областью творчества данного правящего класса в сфере суда и права.

Вот почему этой части нашего курса мы придаем гораздо большее значение, чем первым двум, и вот почему критический подход к этим нормам с точки зрения правильного построения основ политики рабочего класса мы считаем гораздо более ценным, чем только догматическое изложение этих последних. Отсюда вытекает однако для нас еще одна обязанность. Если мы почему-либо не согласны с теми или другими из действующих положений нашего уголовного права, ибо «Основы» 1924 г. изданы нашим пролетарским государством, а не каким-либо иным, мы должны поставить не менее важную своей задачей посылить объяснить, — почему все же были изданы в 1924 г. эти, а не иные нормы, как равно и обосновать большую теоретическую правильность наших воззрений, противопоставляемых ныне нами официальным воззрениям и принципам, изложенным в «Основах» 1924 г.

Одним из лучших средств этого объяснения мы считаем предпослание некоторого исторического очерка того, как возникли эти материальные нормы. Он будет для нас интересен с двух точек зрения: 1) как чисто историческое рассмотрение того, как рабочий класс создавал свое материальное уголовное право, а 2) с точки зрения того, как в истории создания этих норм отражалась борьба идей уголовного материального права, созданных революцией и свойственных пролетарскому существу нашего государства, с влиянием старых школ и традиционных идей буржуазного права, так как по существу все содержание той большой реформаторской работы, которую мы предпринимаем сейчас, в конце концов сводится к очищению уголовных норм, выкованных революцией, от этого идейного наследия буржуазии.

Еще в большей степени наши слова относятся, между прочим, к нашему гражданскому праву, где мы находимся до сих пор почти целиком еще в плену у старых понятий буржуазии и где до сих пор строим наши гражданские правовые отношения по ее образцам. Впрочем в этом плену в области гражданских правоотношений мы будем находиться, пожалуй, еще долгое время, пока новые экономические отношения, отношения нового экономического уклада, новых социалистических форм нашего общежития — не перекуют в нашем сознании, а затем и в нашем правотворчестве и в наших законах этих старых понятий в новые нормы, отвечающие новым экономическим формам нового, создаваемого нами общества. В области уголовного права, однако, мы считаем, что уже полностью настала для этого

пора, и борьбу со старыми, отжившими воззрениями и буржуазным наследием считаем нашей неотложнейшей задачей.

Историю нашего правотворчества в области уголовного права мы считаем наилучшим начать непосредственно с изучения основных наших исторических документов и источников.

Что же дает нам в этом отношении история первых месяцев нашего правового творчества в области уголовного права?

Наше классовое уголовное право развивалось в условиях крайне неблагоприятных. Эти неблагоприятные условия характеризовались тремя моментами: с одной стороны, не было никакой возможности отдать достаточное количество сил, людей и времени на систематическое и глубокое продумывание основных принципов нашего уголовного права. В условиях революции обстановка отнюдь не была такова, чтобы способствовать систематическому академического характера исследованию, изучению, творчеству. Такова была первая причина, которая крайне неблагоприятно влияла на внешнюю историю развития нашего уголовного права. Мы развивались скачками, зигзагами, иной раз в форме прямых противоречий развивалось и наше материальное уголовное право.

Другая причина, которая равным образом крайне неблагоприятно отражалась и не могла не отразиться на развитии нашего уголовного права, заключалась в нашей теоретической бедности в тот момент в области теории уголовного права. До революции в марксистской литературе теоретические проблемы уголовного права были совершенно не разработаны. Мы не можем указать ни одного труда или почти что ни одного труда, за исключением сравнительно мало известных отдельных статей у Маркса, Энгельса или Каутского, где бы последние специально трактовали проблему уголовного права. Правда, в этих отдельных статьях и в отдельных абзацах «Капитала» и статьях Маркса, напечатанных в Ново-рейнской газете, мы можем найти ряд блестящих мыслей по поводу того или другого института, связанного с уголовным правом. Знаменитая речь Маркса перед присяжными в Кельне является одним из лучших образцов такого анализа и творчества (см., например, знаменитое его положение о том, что классовых врагов не судят, — классовых врагов уничтожают).

Тем не менее, ни одного систематического труда, посвященного этим вопросам, мы не имели. Все это заставило нас, когда мы практически стали перед задачей государственного строительства в области уголовного права, исходить лишь из общих предпосылок марксизма, из общих методов марксизма, практически до известной степени бродить в потемках, наощупь.

И наконец третье обстоятельство, которое равным образом не могло не отразиться, заключалось в некоей своеобразной боязни затронуть

и нарушить основные принципы старого уголовного буржуазного права. Я цитировал на диспуте об уголовном процессе в Коммунистической академии ту статью П. И. Стучка, напечатанную в апреле 1918 г., в которой он говорил о том, какой невозможной казалась в то время для них, руководителей юстиции, мысль — сразу уничтожить старые царские законы. А как же будем жить без законов? Эта проблема встала тогда во весь рост, и мы не дерзали сразу коснуться основ старого уголовного права. В исторических документах, относящихся к 1918 г., о чем мы еще будем говорить, мы найдем прямое указание нашим судам при разрешении вопросов материального уголовного права руководствоваться *старыми* царскими законами, старым царским «Уложением о наказаниях», поскольку (!) они не противоречат программам социалистических партий и «социалистическому правосознанию». Проект же уголовного кодекса, выработанный в 1918 г. Комиссией под председательством тогдашнего наркома юстиции левого эсера Штейнберга, представлял собой подражание старым царским уголовным законам со всеми подразделениями, которые были для них характерны.

Вот третья причина, которая влияла исторически, тормозила в неблагоприятную сторону развитие нашего правового творчества в области уголовного материального права. Это, конечно, не значит, что только эти, все же мелкого характера причины, должны быть признаны единственными, определившими характер правового творчества в тот период. Конечно, нет. Революция опрокинула в сознании масс старые нормы, влила новое классовое содержание в право, но когда пришлось *оформлять* его в писанные документы, все эти три причины, питаемые в конце концов одной — незрелостью экономики нашей страны, начали действовать и обусловили собой и характер наших первых правовых норм и весь ход развития нашей правовой мысли в первое десятилетие. В результате весь этот период с октября 1917 г. по январь 1922 г., когда был одобрен IV съездом деятелей юстиции первый проект уголовного кодекса, и затем по 1 июня 1922 г., когда он был введен в действие, и наконец по настоящий момент, можно охарактеризовать, как эпоху борьбы в нашем правовом творчестве между разрушительными по отношению к старому праву тенденциями революции за новое содержание и новые формы права с одной стороны и боязнью затронуть устоявшиеся формы — с другой.

Наш анализ мы начнем с первого декрета о суде, изданного 24 ноября 1917 г., месяц спустя после переворота. Декрет не содержит в себе никакой вводной декларативной статьи о задачах суда. Предполагалось, видимо, что таковые известны. Он содержит лишь ряд конкретных практических

указаний по судоустройству, процессу и порядку применения материального уголовного права, и лишь в ст. 8, касающейся организации революционных трибуналов, затрагивает принципиальный вопрос о целях уголовной репрессии. Зато эта статья говорит о революционных трибуналах, т. е. о судах, связанных прежде всего с революцией, наиболее близких революции. Это последнее обстоятельство и заставило законодателя поставить вопрос о задачах революционной уголовной политики лишь в той специфической области, которая касается революционных трибуналов. Эта узость постановки задач не явилась, однако, препятствием к тому, чтобы статья выразила идею, которая сейчас в развитой форме является руководящей идеей всей нашей уголовной политики. Однако отнюдь нельзя сказать, что в то время эта идея являлась руководящей. Больше того: имеются все основания утверждать, что законодатель в тот момент отнюдь не считал ее руководящей. В этом своеобразном историческом недоразумении лежит ключ к пониманию целого ряда других, на наш взгляд, теперь смешных и странных утверждений и действий тогдашней законодательной власти. Разберемся подробнее в этом странном историческом недоразумении. Декрет о суде № 1 в ст. 8 так излагал эту нынешнюю руководящую идею нашего уголовного права, как мы ее в то время понимали.

«Для борьбы против контр-революционных сил, в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел по борьбе с мародерством, хищничеством, саботажем и другими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, учреждаются рабоче-крестьянские трибуналы...» и т. д.

Нам важны в этой статье ее первые 4 строчки, ибо они в довольно своеобразной форме излагают — сжато и коротко — целый ряд руководящих идей. Статья говорит прежде всего о том, для чего учреждаются трибуналы. Они учреждаются *для борьбы*. Так статья и начинается: «Для борьбы...» Итак трибуналы есть орудие борьбы — вот первая и основная идея, идея революции, выраженная ярко и выпукло.

Впрочем эта борьба в этот период довольно своеобразно понималась, скорее, как обличительная, а не карательная подавляющая — *репрессивная* борьба. На этом основании их, между прочим, *различали от судов*.

П. И. Стучка в специальной статье, напечатанной в «Правде» в январе 1918 г., посвященной вопросу о задачах суда, так и говорил, что трибуналы учреждаются для борьбы и, как учрежденные для борьбы, они по существу даже не суды. Приводим по этому поводу слова П. И. Стучка:

«Мы, создавая особый революционный трибунал, определенно заявляем, что это не есть суд над политическими преступниками, но является

особую организацией «борьбы» против контр-революционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний».

Можем ли мы согласиться с этого рода положениями сейчас? Думаем, что никак не можем. Прежде всего утверждать, что другие суды являются не «организациями борьбы» с преступлениями и преступниками, является совершенно невозможным.

Утверждать же, что трибуналы не были судами, тоже нельзя. Они были самыми настоящими судами, судами революции, и ссылаться в данном случае на Маркса, утверждавшего, что политических врагов судить нельзя, — как это делает т. Стучка, — это натяжка и больше ничего. Суд есть только наиболее целесообразная форма классовой борьбы, в которую облакает эту борьбу правящий класс в целях обеспечить себе наибольшую правильность решения, и только. Смотреть иначе марксист не может. Но от этого и трибуналы не перестали быть судами и в то же время и народный суд не перестал быть орудием классовой борьбы. Этот последний вывод признает и сам т. Стучка, который в конце разбираемой статьи в 1918 г. писал:

«Институтом переходного времени является революционный трибунал. Его деятельность зависит от темпа общественного движения. Его роль, первоначально более обличительная, может превратиться в весьма сурово-карательную. Контр-революция сама своими действиями определит степень суровости ее репрессий. Трибунал, по смыслу декрета, является учреждением «борьбы против контр-революционных сил». *A la guerre, comme à la guerre!*»

А в юбилейном сборнике, посвященном пятилетию Верховного трибунала, автор декрета о суде № 1 сам признал свою ошибку и ошибку не только практическую, но и ошибку теоретическую, объяснявшуюся неясностью общих представлений о задачах суда и влиянием тех фетишей буржуазно-правового мышления, над которым и сам П. И. Стучка смеялся, и которые беспощадно критиковал в цитируемой статье в «Правде» от января 1918 г.

Он писал в юбилейном сборнике так:

«Это противопоставление трибуналов суду у нас продолжалось довольно долго, но надо сказать, что и здесь революция у нас в умах устранила это деление, и она права и теоретически».

Впрочем мы и сейчас найдем много сторонников того, что народные суды это одно, а трибуналы другое, и пр. Об этом мы, в свое время, говорили и писали и еще будем говорить и писать. Анализ этого сейчас был бы конечно несвоевременен, но во всяком случае мы должны отметить, что в первом же декрете о суде, при рассмотрении вопроса о три-

буналах, наш закон сказал, что они-то учреждаются *для борьбы*. Какой борьбы? Конечно, революционной и тем самым классовой борьбы, и это совершенно ясно сказано в дальнейших словах этого декрета: «для борьбы против контр-революционных сил». Следовательно, в помощь революционным силам, в защиту революции и т. д...

Рядом дана и положительная формула — «в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний». Всю формулу можно было бы, следовательно, видоизменить и изложить таким образом — *трибуналы имеют задачей ограждение завоеваний революции, защиту революции, охрану революции*. Вот основная мысль, которая здесь вышукло выявлена и которая, как мы увидим дальше, с тех пор в качестве основной руководящей идеи на протяжении 10 лет встречается во всех до одного наших законодательных памятниках.

Не менее характерно само построение статьи. Контр-революционные преступления — вот первая категория дел, которую, в отличие от всех буржуазных дореволюционных кодексов, октябрьская революция установила как новый вид социально-опасных преступлений. Статья не указывает однако признаков контр-революционных действий, что именно именуется контр-революционными действиями; не дает никаких конкретных признаков того или другого преступного явления. Вместо этого она дает лишь общее определение *целей*, во имя которых должны действовать революционные трибуналы. Другими словами, указываются не те явления, которые подлежат запрещению, уничтожению, нейтрализации, а указано то, *что* должно быть охранено. «Основной задачей должно явиться охранение революции», или, как говорится в тексте, «ограждение революции и ее завоеваний». «Завоевания революции» — вот то, что должно охранить материальное уголовное право советов, вот то, что должны охранить трибуналы, что должно охранить материальное уголовное право нового общества и нового класса, взявшего в свои руки власть.

Новое право откидывает в сторону старый метод построения уголовных норм и *цель* — охрану революции, а не *формальные признаки* отдельных преступлений — считает нужным прежде всего указать судьям, как определяющую норму.

Это чрезвычайно важно, ибо указание судьям на цели как на руководящий критерий дает ключ к пониманию компетенции суда в отношении формальных признаков. Это значит, что в известных случаях суд может и должен приносить эти формальные признаки в жертву, если усмотрит, что слепое следование им может вступить в противоречие с целями. Лишь в последний период в нынешней переработке УК мы в полной мере вернулись к этому принципу и объявили его руководящим.

Если мы с этой ст. 8, написанной через месяц с небольшим после октябрьской революции в декрете о суде № 1, сравним 1-ю статью разбираемых нами «Основ уголовного права», принятых в 1924 г., с тех пор вошедших в качестве основного закона во все кодексы уголовного права союзных республик, — мы увидим, что 1-я статья говорит о том же уже несколько иначе:

«Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей судебно-правовую защиту интересов трудящихся от общественно-опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок».

По существу это, конечно, та же самая формула, что и в ст. 8, так как охрана интересов трудящихся у нас есть охрана интересов революции и так как власть трудящихся есть власть, установленная революцией. В этой новой формуле однако характерно и то, что слова «революция» в ней уже нет, и то, что цель в ней указанная — защита интересов трудящихся, а не *власти* трудящихся, о последней упоминается только в придаточном предложении, характерна самая формулировка — «власть трудящихся», а не «власть рабочего класса»; характерно наконец нагромождение в ней совершенно неудобных, с нашей точки зрения, чуждых и непонятных широким массам терминов, таких, например, как «судебно-правовая защита», «общественно-опасное деяние», «установленный правопорядок» и пр. и пр. Яснее и понятнее в этом отношении было сказано в декрете о суде № 1: «для ограждения революции и ее завоеваний».

И все же этой идеей, вложенной, таким образом, в первый же законодательный акт советов и провозглашавшей, что материальное право нового общества имеет задачей охрану нового общественного порядка, — охрану революции и ее завоеваний, — революция выявила то же самое классовое содержание нашего права, что и декрет о суде № 1, и отграничила этим самым его от всех предыдущих законодательств.

Этим революция порвала с тем пониманием уголовного права, которое придавало своим нормам характер некоторых постоянных норм, общих для всех времен и народов. Таково принципиальное содержание и 1-й части 8 ст. декрета о суде № 1, и вводной статьи «Основ» 1924 г.

Еще более интересной является 2-я часть статьи 8-й, которая перечисляет отдельные конкретные действия, подлежащие репрессии со стороны нового права. Сюда относятся прежде всего «мародерство» и хищничество. Эти два термина мы найдем и в старых законах, в частности определявших подсудность военных судов. Мародерами называли лиц, грабящих на поле сражения или после сражения раненых и мертвых. Это было понятие узкое, охватывавшее только определенную категорию преступных дей-

«ствий». В статье нашего закона мародерство понимается уже гораздо шире, так же, как и хищение. Мародерство и хищение понимаются здесь как, до известной степени, бытовые общественные явления, порожденные условиями классовой борьбы и революции, только что сломившей военную крепость старого общественного порядка и тем самым в процессе ломки объективно открывшей ряду деклассированных враждебных революции элементов возможность грабить революцию, наживаться на счет общественного достояния. Это мародерство и хищничество преследуются теперь новой властью.

Еще более характерны слова: «саботаж» и «прочие злоупотребления». Новая политическая власть, отказываясь от точных формулировок («прочие злоупотребления»), предпочла вместо этого взять «на выборку», как указующий пример, преступное явление, которое казалось наиболее бросающимся в глаза, наиболее опасным. В те времена саботаж был системой со стороны старых чиновников временного правительства. Такой метод построения уголовной нормы также был неслыханным новшеством и находился в кричащем противоречии со всей методологией старого права. Еще более характерны и важны последние слова цитируемого абзаца: «и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц». И характерны они прежде всего потому, что излагают ту же свойственную только пролетарскому уголовному праву идею классового понимания сущности преступления и, сообразно с этим, избирающую новую форму построения уголовного закона.

Новая власть исходит из предпосылки, что она имеет перед собой ряд классов, находящихся между собой в ожесточенной борьбе, и в силу этого правильно предполагает, что определенные слои всегда будут проводить определенную линию поведения по отношению к ней и ее общественному порядку, что поэтому задачей репрессии является борьба именно с этими слоями, борющимися против новой власти, почему более полезно дать общее указание на этих лиц, а не на конкретные принципы того, какие именно преступления преследуются и почему против этих преступлений надлежит бороться. Деятель, а не деяние, преступник, а не преступление, поставлены тут в центре внимания. Закон как бы заранее утверждает, что все торговцы, промышленники, чиновники и прочие им подобные лица обязательно будут стремиться заниматься хищничеством, саботажем и мародерством, и потому против них обязательно надлежит вести революционную борьбу.

Вот вам типично классовая постановка вопроса, не понятная для буржуазии и не совместимая формально с буржуазным правом, но совершенно понятная, и близкая, и ясная, как стеклышко, для каждого рабочего и

крестьянина, ибо в основе ее лежит определенная классовая презумпция о разности классовых интересов этих групп (диктующая меры классовой обороны). Новая власть тем более была в этом отношении права, что в то время, в ноябре 1918 г., эти преступления были актом повседневной действительности: саботажем тогда занимались почти на все 100% все чиновники, а хищничеством и мародерством почти все промышленники и торговцы. В нынешнем Уголовном кодексе мы найдем, пожалуй, только одну статью, которая по духу своего построения подходит к ст. 8 декрета № 1. Эта известная 107-я статья, преследующая повышение цен на товары, скупку, хранение и сбыт таковых на рынок со стороны торговцев, причем 2-я часть этой статьи особо преследует сговор торговцев, — здесь также имеется презумпция, что торговцы имеют тенденцию сговариваться о злом повышении цен. Классовый характер революционного права сказался и в этой норме. Интересно и стоит отметить, что эта статья получила свое практическое применение лишь в период последних лет, в период форсированного наступления на кулака.

Каково же, таким образом, основное идейное содержание ст. 8? Мы можем тут установить три идеи. Первая идея: цель советского уголовного права — защита революции. Вторая идея — само уголовное право есть орудие борьбы с классовыми врагами. Третья идея — классовыми врагами являются главным образом представители нетрудовых элементов. Сюда можно еще прибавить четвертую идею, прямо не выраженную, правда, в этом документе, но тем не менее практически уже применявшуюся в тот момент: в отношении классовых врагов надлежит поступать так, как подскажут революционная совесть и революционное правосознание. Вот совокупность основных руководящих идей, которые выражены в ст. 8 декрета № 1, несмотря на наличие всех тех неблагоприятных условий, в которых приходилось работать в тот момент. Эти идеи лежат и до сих пор в основе всего нашего уголовного материального права, и классовый характер этих идей, их революционный генезис не подлежит никакому спору. Кодекс 1926 г. определяет те же основные цели уголовной репрессии, перефразируя по существу те же идеи. «Уголовное законодательство РСФСР», — говорится в кодексе 1926 г., — «имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян, и установленного в нем порядка от общественно-опасных действий путем применения к лицам, их совершающим, указанных в настоящем кодексе мер социальной защиты». Здесь, правда, нет уже прямого указания, преимущественно из какого класса черпаются преступники, здесь говорится вообще о лицах, совершающих преступление.

Налицо зато опять указание на то, что задачей репрессии является охрана социалистического государства. Как и в декрете № 1 о суде, основ-